

PSYCHOLOGY

Arpentieva M.R.

AGREEMENT AND DISAGREEMENT, UNITY AND ALIENATION: NARRATIVES OF DESTRUCTION AND CREATION

Arpentieva M.R., Russian Federation, professor of the department of development and education psychology, Tsiolkovskiy Kaluga state University, grand doctor of psychological Sciences, associate professor

Abstract

In conditions of increasing crisis of particular relevance is the problem of preservation of traditions and their organic development. Modernity as the era of the postmodern, on the contrary, a-traditional: tradition was the destruction of traditions. The experience of threat to tradition and the desire of the destruction of tradition is reflected in the utopias and dystopias. In the magical era of widespread barbarism, "rebounding" from the ideas of social equality, humanity, perfection, humanity, the society came to the idea of social use, consumption, inextricably linked to existential emptiness and lack of implementation, concern the destruction /death and loss/deprivation that people are trying to understand and/or overcome, creating a new utopia and dystopia. In foreign and especially domestic modernism the creation of social utopias of different level and type associated with "eschatological anxiety" about the catastrophic Genesis and history of mankind in General. There is intense criticism of the positivist picture of the world. This picture denies the spiritual meaning of life and denies the progress as consent to the development of society, the emergence of a new quality of life. Some aspects became the basis for the emergence of negative utopias and pseudo-utopias, especially the Apocalypse as a Divine trial of the lost world. First aspect is the experiences of the transformation of social life and social cataclysms/ other aspects is the criticism of modern ways of development of mankind and man, the exhaustion of the old ideals of life and old goals of social existence, the crisis of humanistic values. Utopia as an option "eschatology of salvation" is developed in the context of religious and philosophical thought of the modern age. It retains

itself in the postmodern. However, contemplation of the occurrence of human suffering and humanity thinkers of post-modernism is perceived more "eschatological": utopian scenario is typical not for all.

Keywords: utopia, protest, fatigue, dystopia, eschatology, consumption, service.

Постановка проблемы. Национальное единение – одна из сложнейших научных категорий и практических реальностей, охватывающих отношения не только внутри одного государства, но и между различными государствами – странами проживания соотечественников. В современном мире существует несколько основных наций-космополитов (цыгане, евреи, татары, русские и т.д.), и, кроме того, подавляющее большинство стран и сообществ цивилизованного мира являются мультикультурными. Национальное единение в этом контексте выступает как сложнейший, многокомпонентный и многоуровневый феномен, затрагивающий не просто «международные», но межгосударственные отношения, которые всегда, даже в условиях человеческих отношений и, силу своей сложности, частью весьма неоднозначной и неустойчивой. Прозрачность и устойчивость отношениям между странами, а также отношениям внутри страны с точки зрения представлений национального единения (единства) и защиты соотечественников, придает соблюдение нравственных, а не только формальных и, тем более, «экономических» законов взаимодействия разных по этническим, религиозным, профессиональным и социально-политическим характеристикам людей. Экономические «законы», будучи положены в основы внутринациональных и межнациональных, международных отношений, уже не раз демонстрировали свою ограниченность, точнее, ограниченность тех, кто сводит жизнь к экономике или политике, а экономику и политику – к «выживанию сильнейших» и наживе одних групп и людей за счет других. Интересы интеграционных, продуктивных групп российского общества (национальной буржуазии, служащих - профессионалов и квалифицированных рабочих) состоят в модернизации страны, построении современной постиндустриальной экономики и гражданского общества, предполагающего единение граждан и наций. Но это возможно лишь при поддержке такого проекта правящей элитой. Однако, интересы и ценности современной российской элиты отражают их принадлежность к типу «компрадоров-буржуа», чье благополучие зависит не от внутренних, а от внешних экономических, политических и т.д. факторов. Эти ценности и интересы противоположны гражданскому единению и социальному служению. Поэтому политика России в отношении непризнанных республик будет оставаться двойственной, служа лакмусовой бумагой наличия или отсутствия перемен ориентаций правящих кругов. Если элита

не решится на изменения, они произойдут уже помимо ее воли, подняв из состояния подавленности огромные народные массы.

В исторической перспективе проблемы национального единения граждан СССР и позднее СНГ во многом связаны с Первой и, особенно, Второй Мировыми войнами. Середина XX века и международные договоренности конца Второй Мировой войны помогли на долгое время решить вопрос границ унитарных государств и государств-федераций, более или менее стабилизировать вопросы, связанными с национальным и автономиями и межнациональными взаимодействиями. Параллельно был нанесен удар по феномену рабства и резко снизилась роль компрадорской буржуазии, зарабатывающей на противостояниях и военных конфликтах, по отношению к предыдущим этапам на первый план вышло общественное, а не только индивидуальное благо, мир между народами, а не отстаивание интересов отдельных стран и народов [3; 5; 7]. Будучи «нейтральной» по отношению к вопросам национальной принадлежности, компрадорская буржуазия использует национальные, религиозные, политические и экономические различия между людьми в целях ослабляющего потенциальных или реальных оппонентов и жертв разобщения. Национальное и иные формы единения и объединения, способные противостоять и направленные на противостояние позиции компрадорской буржуазии, являются ее естественными антагонистами. Для нее выгоден крах и разграбление стран, конфликты, а также связанные с ними «кредитные» и «ограничительные» «санкции» и меры в международных отношениях, раздувание этнической и религиозной вражды и разобщенности для активизации новых военных столкновений и переделов мира наряду с глобализацией, понятой как распространение ценностей коньюмеристской культуры: культуры неограниченного потребления как культуры социальной аномии и социального каннибализма [1; 2; 4]. Современный мир, пропагандирующий поиски материального благополучия и превосходства, не считаясь с нарушением нравственных ценностей и жизнью других людей, культур и сообществ, открыл дорогу возрождению компрадорской буржуазии, ее стратегиям, направленным на разрушение национального единства, передел мира и мировых ресурсов. На этом фоне процессы национального единения приобрели формы, подчас весьма неоднозначные: попытки защиты соотечественников и восстановления прав и возвращения незаконно отнятых ресурсов тех или иных наций, выливаются в изматывающие сражения: конфликты компрадорских правительств ряда стран СНГ и России, компрадорского правительства Турции и Сирии, конфликт веками наживавшихся на колониях Европы и США и мигрантами из этих колоний, хлынувшими в Европу, чтобы востребовать блага «комфортной жизни средневропейского потребителя, продолжающиеся конфликты «белого» и «черного» населения США и Канады, игнорируемые, но

продолжающие вносить существенный вклад в отношения людей мира очаги рабовладельческой культуры, включая резервации и поселения вытесненных буржуазией и продолжаемых вытесняться ими на уровне отдельных людей, сообществ и государств коренных жителей Америки, Австралии и т.д. В результате проблема государственного суверенитета и межгосударственного сотрудничества становится все более сложной: коалиции между странами становятся все более подвижными и асимметричными, договоренности и «санкции» теряют свое не только нравственное, но и правовое обоснование и т.д. Сами государства, чтобы избежать протестных движений, вынуждены усиливать репрессивно-подавляющий развитие контроль, насаживать средствами образования и иных социальных, политических, экономических институтов и программ ценности, усиливающие социальное неравенство и разобщенность, десакрализацию и невежество. Компрадорская элита продолжает упорно внедрять идеи «священности власти» и ее представителей наряду с отношением к гражданам, народностям, как объектам, а не субъектам управления, в том числе объектам политических манипуляций типа «промывания мозгов» и иных форм намеренного обмана. Она сопротивляется тому, чтобы выступить как выразитель и арбитр интересов основных групп населения, подменяя нравственные императивы, в том числе самоограничение, императивами правовыми, постоянно и все более выхолощенными и служащими лишь самой элите. Правящие круги современной России - прямые наследники этакратии (номенклатуры), - включают в свой состав лиц, опираясь не на меритократические критерии, не на способность людей решать конкретные задачи (компетентность), а на медитократические: элита определяется на основании занимаемой позиции во власти и обладанию собственностью, в результате власть принадлежит людям с весьма посредственным уровнем личностного развития, что не позволяет элите вести общество за собой.

Анализ научных исследований. В развитии общества важное место занимает феномен «несогласности». «несогласность» выливается в различные формы, варьируя от умеренной оппозиционности и конформизма до «пустого» вольнодумства, а также - до революционного радикализма. Под несогласием понимается проявляющаяся в дискурсе или практике модель, предполагающая наличие иерархических отношений между субъектом несогласия (вольнодумец и оппозиционер или бунтовщик-революционер) и находящимся над ним или напротив него объектом (светский или церковный властитель, аппарат власти, общество и семья, пр.), и несовпадение их (зачастую конструируемых или «инспирируемых» - в псевдо-оппозиции) представлений о должном устройстве действительности. В моменты социальных кризисов и коллапсов больших и малых социальных систем происходит, как правило, активный рост оппозиционности: оппозиционность становится настолько

повседневной, что «оппозицией» выступает уже согласие, смирение и принятие мира. Оппозиция в государстве и обществе реализуется через системы социального партнерства и социального противостояния. Социальное партнерство, с его идеями сочувствия и ассимиляции, помогает перевести «оппозицию» в лояльность, социальное противостояние – использует идеи и технологии дискредитации. Государство в отношении с «оппозиционными» членами и сообществами может занимать самые разные позиции: от терпимости (толерантности) к открытому или скрытому преследованию «психически больных, преступников и инакомыслящих». Трансферы оппозиционности как стратегии и технологии проникновения идей оппозиции в общество и государство различны. Удачные опыты связаны с тем, насколько идеология общества, государства и конкретных граждан, к которым направлены «санкции» или «благодаяния» совпадают или могут быть сближены в процессе трансферов: совместной, диалогической деятельности.

Один из ярких подходов к оппозиционному осмыслению происходящего – создание утопических или антиутопических (эсхатологических или етопических) сценариев развития общества. Этот подход по своей природе может быть как практическим, актуально действенным, так и – чаще – философским, футуристическим. Многие из моделей, особенно футуристического толка, располагаются в пространстве «мистицизм» - «рационализм». Последний, однако, чаще всего отражает «псевдонесогласность»: выступает не более чем способ пропаганды имеющихся в обществе способов отношений и их усиления: пример – мальтузианская модель ножниц, скрыто декларирующая необходимость сокращения населения Земли (то есть, его насильственного уничтожения) .первый – часто потому и относится к «мистическим», что не выгоден ни актуальной, ни ангажированной оппозиционной моделям отношений. Их взаимодействие, например, описано исследованиями «Окна Дж.Овертона» [31].

Современность, постмодерн определяется как эпоха нигилизма, магического сознания, эпоха, наступившая после «смерти Бога»: «Мир для нас скорее еще раз сделался «бесконечным», поскольку мы не можем ему отказать в возможности заключать в себе бесконечные толкования» [16]. Уникальная и единственная перспектива, перспектива мира, заданная Богом, в сознании человечества распалась, став лишь фикцией, вместе с нею и распалась иллюзия единства бытия, а затем - и само бытие. Открывшийся хаос, однако, можно толковать как лишь иной вид перспективности бытия, ждущий очередной обладающей волей к власти интерпретации. Существование множества перспектив – реальных и потенциальных точек зрения определяется тем, насколько точно воля к власти каждого видящего направлена на мир и объекты, с какой силой она

себя в них утверждает, пытаясь их завоевать. Даже вещь - лишь точка зрения на мир. Сражение идеологий вырастает в сражение людей. В магическую эпоху повсеместного варварства, «оттолкнувшись» от идей социального равенства, человечности, совершенства, гуманности общество пришло к идее социального использования, потребления. В список потребляемого и передаваемого в процессе трансмиссии включены само общество, его члены, включая человека, жизнь в целом [7; 11; 12; 18]. Естественно, что такое положение не удовлетворяет многих, рождая необходимость изменений: снаружи и - реже – внутри оппозиционера.

Формулировка цели статьи. Цель исследования - разработка представления о дискурсе оппозиций на примере анализа современных и классических утопий и антиутопий.

Основные результаты исследования. Дискурс оппозиции - разрушения и созидания реализуется, в своих развитых формах, в разработке сценариев утопий и антиутопий (эсхатологических, евтопических и оптимистических сценариев развития общества и государства). Дискурс разрушения реализовал себя в антиутопиях и описаниях «конца мира», дискурс созидания – в утопиях и евтопиях «возрождения», «вознесения». Наиболее активно создание утопий и антиутопий происходило в зарубежном и отечественном модернизме: осуществлялось создание социальных утопий разного уровня и типа связано с «эсхатологическим беспокойством» о катастрофичности бытия и истории человечества в целом, с критикой позитивистской картины мира, отрицающей духовные смыслы бытия и отрицания прогрессизма как согласия на развитие социума, не ведущее к возникновению нового качества его бытия. Переживания трансформации социального бытия и социальных катаклизмов, критика современных путей развития человечества и человека, истощенности прежних идеалов жизни и прежних целей социального бытия, кризис гуманистических ценностей стали основой возникновения негативных утопий и псевдоутопий: особенно - Апокалипсиса как Божественного суда над заблудшим «не туда» миром. Эсхатологизм выступал при этом то как «умеренный» историософский негативизм, то как радикальный апокалиптизм, то как попытки осмыслить задачи трансформации как становления новой формы отношения человека и Бога: богочеловеческого делания, сотрудничества Бога и человека [1; 6; 8; 25; 26]. В последнем смысле «жало» утопии притуплялось, она становилась вариантом «благой эсхатологии», ведущей не столько к катастрофе, сколько – через катастрофу и страдание индивидов и масс, коллапс сообществ, к преобразению, спасению как «Царству Божию на земле», снятие «рубища» «ветхого человека», активировав внимание на проблемы апокатастасиса и возможности превращения государства в церковь, проблематике софийности бытия, Богосозданного мира. Однако, и «благая» эсхатология не избежала

описания периодов «катастрофических взрывов», «пришествия Антихриста» или полного растворения обретшего «ветхость» бытия [2; 5].

В культуре авангарда, «захватившей» в себя идеи, названные далее, идеями постмодерна, утопий и эсхатологические мотивы обретают иное содержание: Бог ушел из сознания людей, единая ценностно-смысловая канва жизни распалась: Апокалипсис наступил и слуги Антихриста строят его царство на Земле. Футуристические прозрения авангарда в соединении с попытками поиска роли человека в истории приводили к созданию проектов «антиутопий», декларировавших тотальное разрушение основ прежнего мира, общества и культуры, разрушение культурной трансмиссии как разрыв с традицией, изменения форм бытия, побуждавших мыслителей рассматривать его уже не как историю бытия, но как историю эсхатологии, игнорируя «здесь и сейчас», реальность жизни, так резко обесценивающуюся перед лицом активного самоуничтожения цивилизации. Пафос футуризма и конструктивизма сосредоточился на критике сначала индустриальной, а затем и информационной цивилизации, а также поиске духовно-нравственных опор существования в эпоху наступающего Апокалипсиса: ответственности человека за себя и все бытие [4; 9]. «Утопия» как «евтопия», вариант «эсхатологии спасения», развивалась в контексте религиозно-философской мысли эпохи модернизма. Она же – сохраняет себя и в постмодерне с той разницей, что созерцание наступления, страданий человека и человечества мыслителями постмодерна воспринимается уже менее утопично и более – «эсхатологично»: евтопический сценарий оказывается типичным далеко не для всех. Кто-то выбирает страдание и дальнейшее падение: отказ от нравственного выбора и попытка сохранить приверженность «дигитальной» нравственности симулякрам. Кто-то продолжает «работу против Бога» в надежде снискать как можно больше земных благ, отказываясь от нравственности как таковой ради идеологии «экономического гангстера» и сиюминутного успеха, защищающего и творящего для защиты симулякры бытия [3; 33; 34]. Немногие – ищут основы воссоздания нравственных основ, новой церкви [5; 13].

В социально-философской мысли зарубежья всегда популярна была критика утопий «социалистического рая», переживание исчерпанности истории, «заброшенности» и ненужности, тотального одиночества человека в обществе, которые в конце XX века, в момент наступления Апокалипсиса (сбывшихся всевоутопий модерна) перешли в новое качество. Варианты идеального строя жизни – от «нового средневековья» и до всеобщего воскрешения, акцентирующих роль духовно-нравственного развития, «возвращения к Богу», из «преисподней», или, напротив, реорганизации государства и общества (от мондиализации до меритократии и «умных толп»), так или иначе

«апробируются» сообществами. Однако, жизнь «вне Бога», в том числе на обломках разрушенной «империи социализма», оказывается жизнью против Него, отказ от единой нравственной перспективы и попытки найти ей замену в «лоскутном сознании» постмодерна, его утопий и антиутопий, быстро сворачивается. Постмодерн, в отличие от модерна констатирует : то, что полагалось (анти)утопией, - факт. Негативные прогнозы сбываются и один из последних оплотов нравственного – «социалистическое», рухнувшее постольку, поскольку ограничило нравственность, удалив из повседневности Бога, активно пересматривается в попытках выяснить: есть ли надежда на возврат или трансформацию, не ведущую к полному самоуничтожению общества [2; 8; 17].

Глобальными утопиями постмодерна стали утопии «меритократии» и «умной толпы», а также фурсайта, к ним же примыкают утопии «глобализма», «мондиализма», «социального государства», с которыми связывают возможность избежать социальных, и, в том числе, нравственных конфликтов. Антиутопии постмодерна прямо евтопичны: будущее и возможности его реорганизации оцениваются крайне негативно.

Один из ярких примеров развития постмодернистских концепций - концепция «ситуативных знаний» [28]. Согласно этой концепции, все знание, включая и научное, является частичным, сконструированным конкретными группами и людьми в определенных целях и ситуациях (контекстах), поэтому знание не объективно, оно не есть «взгляд ниоткуда». Признание ситуативности приводит к большему плюрализму и толерантности в отношении Другого (знания или субъекта), что является ограничением универсализма и объективистской «западной» эпистемологии. Помимо позитивных моментов, это приносит в сознание и жизнь людей, лишенных развитых навыков рефлексии общения, познания и отношений, многие негативные аспекты, связанные со слабостью ценностного осмысления процессов конструирования «ситуативных знаний» [3]. Вне осознания процессов и ценностных оснований понимания себя и мира, своей ответственности за «деконструируемые» и вновь создаваемые «смысловые вселенные», человек остается один на один с огромным количеством «смысловых лакун» и ошибок, заполнить которые может помочь только другой человек, чье отношение к знаниям, а также к жизни, людям, себе самому ценностно определено и человечно, модели общения соответствуют ценностям, понимание себя и другого находится на достаточно высоком уровне: сформированной рефлексивной культуры и осознанных метакогнитивных процессов [23; 28; 29; 32; 33]. Бытие человеком, человечность предполагает, что другой человек предстает как во-площение всех ценностей бытия, которые он может в той или иной степени реализовать в конкретной ситуации общения и в той или иной ситуации, в каждой отдельной ситуации жизни «превращаясь» в

«Другого», изменяясь, и, вместе с тем, сохраняя верность самому себе, «Своей» внутренней правде или «тайне», само-бытию [13; 17]. Что касается социального бытия как такового, то господство моделей типа «мальтузианских ножниц», «экономических гангстеров», «спиралей умолчания» событий и процессов, связанных с деструкцией нравственности, симулирования реальности на фоне формирования меритократии и замены мнения Бога мнением криптократии или «умной толпы», приводит общество и каждого человека в частности к выбору между социальным каннибализмом, социальной аномией или социальным служением [19; 20; 21; 22; 27; 30; 35]. Этап мондиализации и создания «всеобщего государства», пресекающего всякое политическое творчество, изменения стратификации и распределения благ и власти, к которому активно стремятся в настоящее время созданные исключительно ради нужд «элитарного меньшинства» наднациональные организации, «союзы», «содружества», «соединения» и «объединения» разного толка, означает начало коллапса. Доминирующее меньшинство на фоне уже ничем не контролируемого стремления к большей власти и подавлению сопротивления уже в «зародыше», стремится создать всеобщее государство, к мондиализации. По мере распада цивилизаций формируются «внутренний пролетариат», создающий всеобщую церковь, идеологию, обслуживающий «всеобщее государство», а также «внешний пролетариат», создающий «стаю варварских военизированных банд». Автономные субъекты из числа подлежащих уничтожению «больных, преступников и оппонентов», трансцендирующие в период социального распада, в поисках новых решений, приводят к рождению новой идеологии, вокруг которого может организоваться последующая цивилизация [22].

Как пишет Ж. Бодрийяр, под давлением разнонаправленных и кажущихся абсолютными, но являющихся часто противоположными, принуждений индивид утрачивает единство, его сознание и ценности становятся «лоскутными»: правовое и нравственное пространства разрываются, фрагментируются. Социальное неравенство добавляется к внутреннему разрыву между потребностями и стремлениями, а усталость выступает как пассивное несогласие с данными условиями существования, как скрытое насилие, близкое скрытой забастовке, «slowing down» («снижения активности») рабочих, которая есть единственная форма активности, противостоящая ... принуждению к общей пассивности, присущему современным общественным отношениям» [4, с. 233]. Настоящая пассивность - в согласии и беззаботном соответствии с системой ... совершенно адаптированных к современной активности. Усталость помогает избежать тотального «break down» (разрушения) и в любой момент любого пространства она может стать открытым восстанием. Главная опасность, таким образом, внутри

людей: их привычка потребления, препятствующая реальной жизни, вне «матрицы» тотального подавления. Интересна при этом игра: потребление лишает человека воли к реальности, а усталость оказывается «потребленной» усталостью, нужда в которой существует как нужда в труде. Однако, в мире, где свободного времени все больше, удовлетворить эту нужду, все труднее.

Все эти тенденции отчетливо проявляются в политической, правовой, художественной и философско-психологической литературе, посвященной анализу современности, ее кризисного, революционного характера: описывая несогласие «маленького человека» оставаться «маленьким», зависимым и ничего не решающим в своей собственной жизни, авторы отмечают рост скрытого и активного, открытого противостояния человека и мира, стремление мира поглотить человека, лишить его уникальности и субъектности. Эта ситуация продолжает линию социальной аномии и фашизма, заданную в начале XX века австрийско-германской, а ранее – с XVI века и далее - британской и испанской культурами «конкистадоров» и других завоевателей, создавших резервации и концентрационные лагеря [4; 17; 19; 21]. Спецификой современного фашизма, однако, является то, что в лагеря попадают не по признаку расы и национальности, сколько по признаку идеологии и ценностей: искореняется не столько этническая культура, сколько культура человеческих отношений, человечности как таковая. Общество пришло на грань самоуничтожения, выбрав для этого самый простой способ: нарушение культурной трансмиссии. Вместо нее возводится в идеал культурный плюрализм, осуществляется культурная, или, точнее, «псевдокультурная» экспансия (распространение) как замена нравственных ценностей, идеологии одной культуры ценностями или симулякрами ценностей - другой. В данном случае, замена ценностей жизни и человечности ценностями потребления и власти. Реинкарнация нацизма фашизма в идеях социального каннибализма общества потребления, как отмечает З. Милошевич [15, с. 147], происходит в связи с потребностью крупного капитала получить новые сырьевые ресурсы и дешевую рабочую силу [27, с. 35-36]. Радикальный социальный каннибализм, как отмечал, например, в своих работах, сочетающих антиутопию с утопией, Д. Андреев, предсказания и ретрофлексию, существует уже в ряде стран, в том числе Европе и СНГ [2]. Однако, согласно правилу «спирали молчания» (the spiral of silence), как утверждает Э. Ноэль-Нойман, умалчивается: критики боятся возмездия или изоляции (игнорирования) [31]. Противостоять этой «спирали» могут высокообразованные или более-менее состоятельные люди, а также, как отмечалось выше, некоторые «бесцеремонные» трансцендирующие индивиды, не боящиеся изоляции, которые с большей вероятностью выскажутся или могут настаивать на истине и истинных ценностях, вне

зависимости от общественного мнения. Это меньшинство - необходимый фактор изменений, податливое большинство - условие стабильности, в том числе, стабильности самоуничтожения, коллапса, к которому его ведет другое меньшинство – «элита» [22]. Идеология неонацизма как социального каннибализма – идеология «экономического гангстера» - готовность максимизировать личную выгоду любым доступным способом, пойти на любое преступление ради собственной выгоды –типичное и стандартное проявление антиутопических моделей общественного развития [23; 26]. На этом фоне кажущийся утопическим и трансцендентирующий принцип «Делай это все равно» Матери Терезы отражает суть второй демократии, отличной от демократии «первой», выродившейся в современном мире в неофашизм. Вторая демократия постулирует, что любовь, уважение, достоинство, нравственность одного человека изменяют мир вокруг него [10; 13]. Трансцендентирующие субъекты, вопреки страху сохраняющие нравственное отношение к себе и миру в период социального распада, приходят и приводят людей к новой идеологии, возрождению, новой цивилизации. Основами такой цивилизации помимо идеологии социального служения, выступают идеи взаимопомощи и самопомощи разных слоев и страт.

Выводы и рекомендации. Таким образом, постмодерн воспринимает происходящее в терминах противостояния и сотрудничества человека и общества: возможности существования и развития общества, цивилизации связываются с перспективизмом как поиском новых форм воплощения общечеловеческих, духовно-нравственных ценностей. Форсайт-технологии сами по себе признаются недостаточными: феноменология исторических «джокеров» свидетельствует о ведущей роли идеологических аспектов отношений в развитии общества и человека, уйти от них, переключившись на развитие собственно информационно-экономическое, развитие избранных, а не развитие общества в целом, невозможно. В эпоху после постмодерна развитие общества и человека будут едины. Постмодерн утверждает единственную возможность выживания и/или трансформации: через восстановление связи с Богом, поиск новой формы воплощения общечеловеческих ценностей в отношениях людей. Только при условии, что форма будет найдена, возможна дальнейшая жизнь сообщества. В ближайшее же время антиутопии коллапса, очевидно, будут множиться [35], также, как и попытки поиска выхода из него. Дискурс оппозиции - разрушения и созидания - реализуется, в своих развитых формах, в разработке сценариев утопий и антиутопий (эсхатологических, евтопических и оптимистических сценариев развития общества и государства). Дискурс разрушения реализовал себя в антиутопиях и описаниях «конца мира», идеологиях социальной аномии и каннибализма. Дискурс созидания – в утопиях и евтопиях «возрождения», «вознесения»,

идеологиях социального служения и государства-церкви. Можно также отметить, что в эпоху постмодерна утопическое и антиутопическое обретает редкостную реалистичность: грани между возможным и невозможным стираются, в том числе и потому, что человечество ищет выход – выходи из мира, потерявшего Бога: через смерть и/или преобразование. Утопии и антиутопии в магическую эпоху постмодерна обретают качества реальности, и, значит, общество и государство нуждается в их осмыслении, а также разработке конкретных путей предупреждения нежелательных или усиления желаемых предсказанных «утопиями» событий.

«Утопия» как вариант «эсхатологии спасения», развивается в контексте религиозно-философской мысли эпохи модернизма. Она сохраняет себя и в постмодерне. Но созерцание наступления, страданий человека и человечества мыслителями и писателями постмодерна воспринимается уже более «эсхатологично»: евтопический сценарий оказывается типичным далеко не для всех. Кто-то выбирает страдание и дальнейшее падение: отказ от нравственного выбора и попытка сохранить приверженность «дигитальной» нравственности и симулякрам. Кто-то продолжает «работу против Бога» в надежде снискать как можно больше земных благ, отказываясь от нравственности как таковой ради идеологии «экономического гангстера» и сиюминутного успеха, защищающего и творящего симулякры бытия. Немногие – ищут основы воссоздания нравственных основ, новой церкви.

Перспективы дальнейших исследований. Национальное единение – одна из сложнейших научных категорий и практических реальностей, охватывающих отношения не только внутри одного государства, но и между различными государствами – странами проживания соотечественников. Это исторический процесс, который не имеет линейной формы и протекает, как показывает например, история народов России и бывшего СССР, на протяжении веков, с переменным успехом. Более того, в некоторых случаях, оно носит весьма своеобразные формы, поскольку в современном мире существует несколько основных наций-космополитов (цыгане, евреи, татары, к которым присоединились в новейшее время русские и некоторые другие нации бывшего СССР). Кроме того, подавляющее большинство стран и сообществ цивилизованного мира являются мультикультурными. Национальное единение в этом контексте выступает как сложнейший, многокомпонентный и многоуровневый феномен, затрагивающий в диахронической и синхронической перспективах не просто «международные», но межгосударственные отношения, которые всегда, даже в условия относительной монокультурности, были сложнейшей частью человеческих отношений и, силу своей сложности, частью весьма неоднозначной и неустойчивой. Прозрачность и устойчивость

отношениям между странами, а также отношениям внутри страны, истории этих отношений, с точки зрения представлений национального единения (единства) и защиты соотечественников, придает соблюдение и культурная трансмиссия нравственных, а не только формальных и, тем более, «экономических» законов взаимодействия разных по этническим, религиозным, профессиональным и социально-политическим характеристикам людей.

Проблема гражданского и, уже, национального, согласия, благополучия и развития стран напрямую связана с вопросами качества жизни населения, его безопасности, восстановления и развития потенциала стран и народов путем вовлечения в систему международных экономических и социально-культурных связей; восстановления и расширения контактов между научно-образовательными, экспертными и предпринимательскими сообществами разных стран. Опыт построения экономических, культурных и социально-политических отношений в условиях непризнанности (Нагорно-Карабахской Республики, Приднестровской Республики, Абхазия, Южная Осетия, ДНР, ЛНР и т.д.) ряда стран и республик показывает, что при всей ограниченности ресурсов и «частичной блокаде» развития этих стран, в том числе в ситуации активного (как в ЛНР и ДНР) или перманентного, вялотекущего (как в Приднестровье) военного конфликта, условия жизни населения, качество их жизни, резко снижается год от года: проблемы выживания становятся центральными. С ними соседствуют проблемы занятости населения, правонарушений и возможностей восстановления и развития экономической и смежных подструктур. Выживание обращает внимание человека на значимость нравственно обоснованного единства и сотрудничества людей, наций и стран, уважения к суверенитету друг друга, соблюдения людьми и сообществами своих обязанностей и правовых норм, реализацию прав и свобод.

История показывает, то любому государству, любому народу, стремящемуся к долгой и продуктивной жизни, к развитию, нужны крепкие внутренние и внешние структуры – суверенитет, нужны четкие и осмысленные отношения с другими странами и народами, нужно гражданское, и, в том числе, национальное единство, – признание суверенности и четкие границы и политика в отношении границ, а также гармоничные и целесообразные для страны и мирового сообщества международные и межгосударственные отношения (интеграции в мировое сообщество). Эти отношения, будучи отношениями людей тех или иных культур, религий, экономических классов и политических ориентаций, существуют и изменяются во времени, придающем смысл развитию стран и наций, их взаимоотношениям.

Правящая элита препятствует смене доминирующей модели, предполагающей отношение к гражданам - населению - как

возобновляемому ресурсу, численно избыточному в условиях сырьевой экономики и доктрины «золотого миллиарда», а также модели, ориентированной на престижное потребление («благосостояние»), в том числе преимущественно зарубежных благ и услуг. Альтернативная модель в которой граждане - социальный и человеческий капитал, стратегический ресурс развития страны и ее модернизации, включая возобновляемые экономические блага, - правящей элите России не близка. Аналогичным образом, в политической сфере компрадорская элита продолжает упорно внедрять идеи «священности власти» и ее представителей наряду с отношением к гражданам, народностям, как объектам, а не субъектам управления, в том числе объектам политических манипуляций типа «промывания мозгов» и иных форм намеренного обмана. Она сопротивляется тому, чтобы выступить как выразитель и арбитр интересов основных групп населения, подменяя нравственные императивы, в том числе самоограничение, императивами правовыми, постоянно и все более выхолащиваемыми и служащими лишь самой элите. При этом правящие круги современной России - прямые наследники этакратии (номенклатуры), - включают в свой состав лиц, опираясь не на меритократические критерии, не на способность людей решать конкретные задачи (компетентность), а на медитократические: элита определяется на основании занимаемой позиции во власти и обладанию собственностью, в результате власть принадлежит людям с весьма посредственным уровнем личностного развития, что не позволяет элите вести общество за собой. Современная российская элита представляет собой сплоченную массу людей, не имеющих индивидуальности и не являющихся профессионалами. Она рекрутирует новых членов по принципу «ментального», ценностного сходства с нею самой: к управлению «допускаются» люди без чести и достоинства, без нравственных ориентиров и профессиональных знаний и умений, без интереса к России, культуре и природе, сосредоточенные только на собственной выгоде, реализации инстинктов выживания (благополучия) и размножения (семьи). . Пока этот принцип не будет изменен - рассчитывать на гражданское и, в том числе, национальное единение, в целом не приходится. Поэтому политика России будет оставаться двойственной. Если элита не решится на изменения, они произойдут уже помимо ее воли, подняв из состояния подавленности, невежества и десакрализации, огромные народные массы. На это обращают внимание как теоретики, так и практики: вопросы поддержки национально-культурных автономий и вопросы сохранения целостности государств и борьбы с сепаратизмом в новейшее время «этнического возрождения» стали одними из краеугольных.

References:

- [1] Akaev, A. A., Kondratieff waves: dimensions and prospects. Volgograd: Teacher, 2012 384 p. (in Russian)
- [2] Andreev D. Roza Mira. Moscow: Prometey, 1991. 289p. (in Russian)
- [3] Baudrillard J. Simulacra and simulation. Tula: TP, 2013. 204 p (in Russian)
- [4] Baudrillard J. Fatigue // Baudrillard J. the consumer Society. Its myths and structures. Moscow: the Cultural revolution; Republic, 2006. P. 230-234. (in Russian)
- [5] De Tocqueville A. Democracy in America. — Moscow: Progress, 1992. -554 p. (in Russian)
- [6] Zheltikova I. V., Gusev D. V. expectation of the future: utopia, eschatology, thanatology /. Orel: Publishing house of OSU, 2011. 172 p. (in Russian)
- [7] Ilyin I. P.-Structuralism. Deconstructivism. Postmodernism. Moscow: Intrada, 1996. 256 p. (in Russian)
- [8] Kondratiev N. D. Big cycles of conjuncture and theory of foresight. M: Economy, 2002. (in Russian)
- [9] Constructivism in the theory of knowledge / Ed. the editorship of V. A. Lecture. Moscow: IPHRAS, 2008. 171 p. (in Russian)
- [10] Laing, R. The Divided "Self". St. Petersburg: The White rabbit, 1995. 352c. (in Russian)
- [11] Liotard J.-F. the postmodern Condition. Moscow: Institute of experimental. sociology; S.-Pb.: Aletheia, 1998. 159 p. (in Russian)
- [12] Mazurova L. The Consumer is now in deficit? // The literary newspaper. 2008. №32. 8 Aug. (in Russian)
- [13] Masbourg L. Amazing mother Teresa. Moscow: Triada, 2012. 272p. (in Russian)
- [14] Merton, R. Social structure and anomie // Sociology of crime. Moscow: "Progress". 1966. P. 299-313. (in Russian)
- [15] Milosevich Z. America and. Serbia, Beograd, 2011. 147 p. (in Serbian)
- [16] Cheap V. A. Perspectivism // New philosophical encyclopedia: In 4 t. T. 3. / Under the editorship of V. S. Stepin. Moscow: Mysl, 2001. (in Russian)
- [17] Orwell G. "1984" and essays of different years. Orwell. Moscow: Progress, 1989. 384 p. (in Russian)
- [18] Postmodern: new magic epoch. SB. articles /edited by L. G. Ionin. Kharkov: khgu, 2002. 247p. (in Russian)
- [19] Rose-Ackerman S. Corruption and the state. — Moscow: Logos, 2003. — 356 p. (in Russian)
- [20] Sanchez, O. A. Preface // Vakurin A. and other The basics of anti-corruption / Ed. by S.V. Maximov — Moscow: Spark, 1999. 228c. (in Russian)

- [21] Standing G. *The Precariat*. — Moscow: Ad Marginem Press, 2014. — 328 p. (in Russian)
- [22] Toynbee A. J. *Civilization before the court of history*. Moscow: Rolf, 2007. 592 p. (in Russian)
- [23] Lapinska E. N. *The discourse of love: love as a social relation and its representation in literary discourse*. Moscow: Prometheus, 1997. 347 p. (in Russian)
- [24] Sheludchenko D. A. *Utopia and eschatology: two types of philosophical foresight* // *Bulletin of the Tomsk Polytechnic University*. 2013. Vol. 322, No. 6: Economy. Philosophy, sociology and cultural studies. History. P. 104-109. (in Russian)
- [25] Shestakov V. P. *The Eschatology and utopia*. Moscow: Vlados, 1995. 208c. (in Russian)
- [26] Schultz E. E. *Technology of rebellion. (Technology management radical forms of social protest in a political context)*. — M.: Podilsky factory offset printing, 2014. — S. 63. — 512 p. (in Russian)
- [27] Dunning T.J. *Trades' Unions and strikes: Their Philosophy and Intention*. London: Dunning T. J. Published, 1860. — 52 p. — P.35—36.
- [28] Haraway D. *Situated Knowledges: The Science Question in Feminism and the Privilege of Partial Perspective* // *Simians, Cyborgs and Women* / Ed. by D.J. Haraway. — New York, London: Routledge, 1991. 312p. P. 183–201.
- [29] Hayles N.K. *My Mother was a computer: digital subjects and literary texts*. Chicago: The University of Chicago Press, 2005. 288p.
- [30] Michels R. *Zur Soziologie des Parteiwesens in der modernen Demokratie*. Leipzig: W. Klinkhardt, 1911. 401 s.
- [31] Noelle-Neumann E. *The theory of public opinion man* // *Communication Yearbook* / J. A. Anderson (Ed.) Newbury Park, CA: Sage, 1991. V. 14. P. 256-287.
- [32] *Reload: rethinking women + cyberculture* / Eds. by M. Flanagan and A. Booth. New York: The MIT Press 2002. 595 p.
- [33] Ristani V. *Discourse Analysis, Translation Practice and Vocation-Based Translator Training* // *Constructing, Deconstructing, Reconstructing Language and Literary Matters*. Niksic: Filozofski fakultet, 2010. P. 21 37.
- [34] Schrakk J. *Snap, Crackle and Popular Taste*. New York, 1977. P. 117—118.
- [35] Tainter J.A. *The collapse of complex societies*. Cambridge: Cambridge University Press, 1988. 262 p., 1990. 224p.